

Говард Филлипс Лавкрафт

Селефаис

(Celephais)

Во сне Куранес увидел город в долине, побережье моря за ним, покрытую снегом вершину горы, возвышающуюся над морем, и ярко раскрашенные галеры, отправляющиеся из гавани к тем далям, где море встречается с небом. Куранесом его звали во снах. Наяву он носил другое имя. Может быть, такая смена имен и была естественной для него, последнего представителя древнего рода, одиноко прозябавшего в многомиллионном равнодушном Лондоне.

Редко кто разговаривал с ним и мог бы напомнить ему, кем он был раньше. Он промотал все свое состояние, мало заботясь об отношении к этому окружающих и предпочитая созерцать и описывать свои сны. Его сочинения высмеивали все, кто их читал; со временем он перестал показывать их своим знакомым и в конце концов совсем бросил писать. Чем больше он удалялся от мира, тем чудеснее становились его сны, но все попытки изложить их на бумаге были заранее обречены на неудачу. Куранес был старомоден и мыслил не так, как остальные писатели. В то время как они силились лишить жизнь ее чудесных красочных покровов и показать во всей наготе убожество нашей реальности, Куранес искал одну только красоту. Когда истина и опыт не могли помочь ему в этих поисках, он погружался в мир собственного воображения и находил прекрасное у самого порога своей двери, среди туманных воспоминаний, детских сказок и снов.

Каких только чудесных открытий мы не совершаем в юности. Будучи детьми, мы слушаем сказки и мечтаем, но мысли наши несовершенны. Когда же, став взрослыми, мы пытаемся вернуть детские грезы, мы уже отравлены ядом повседневности, который делает нас скучными и прозаичными. Лишь некоторых из нас посещают ночами причудливые видения цветущих холмов и садов, поющих в солнечном свете фонтанов, золотых скал, о подножье которых разбиваются морские волны, пологих долин, спускающихся к спящим городам, одетым в бронзу и камень, призрачных кавалькад на ослепительно белых конях, скачущих по опушкам дремучих лесов. И тогда мы понимаем, что на миг заглянули в чудесный мир за воротами из слоновой кости, в мир, который был в нашей власти до того, как мы поумнели и стали несчастными.

Куранес соприкоснулся с миром своего детства внезапно. Однажды ему приснился дом, где он родился: огромный каменный замок с увитыми плющом стенами, где жили тринадцать поколений его предков и где он сам, когда настанет срок, хотел бы умереть. В лунном свете он крадучись вышел в благоуханную летнюю ночь, проскользнул через сады, сбежал вниз по террасам мимо кряжистых дубов парка и зашагал по длинной белой дороге, ведущей к селу. Село было старым и как-то неравномерно застроенным, отчего при взгляде сверху напоминало шедшую на убыль луну.

Куранес все время задавался вопросом, что именно — смерть или же просто сон — скрывалось под этими остроконечными крышами. Улицы поросли длинными стеблями травы, а стекла в домах были либо разбиты, либо затянuty странной дымчатой пеленой. Куранес брел не задерживаясь, влекомый какой-то неведомой силой и боясь только одного — что цель его путешествия окажется пустой иллюзией, как это уже не раз бывало с ним наяву. Но вот он свернул в узкий переулок, за которым маячили крутые утесы пролива, и вскоре пришел к месту, где все заканчивалось, — к обрыву над пропастью. Здесь и деревня, и весь мир низвергались в бездонную пустоту, не возвращавшую эха; даже небо впереди было пустынно и не освещалось ни звездами, ни тусклой ущербной луной.

Повинуясь далекому зову, он шагнул через край обрыва и полетел вниз, вниз, мимо темных, бесформенных, невиданных снов, мимо слабо мерцающих сфер, которые могли быть наполовину пригрезившимися снами, мимо веселящихся крылатых существ, которые, казалось, поднимали на смех всех в мире созерцателей снов. Затем перед ним словно бы открылся просвет во тьме, и он увидел долину и город, лучезарно сверкающий далеко внизу, море и небо, сходящиеся на горизонте, и высокую гору в снеговой шапке у самого побережья.

Куранес проснулся в тот самый миг, когда увидел город. Однако одного беглого взгляда ему было достаточно, чтобы понять, что это было не что иное, как Селефаис в долине Оот-Наргая, по ту сторону Танарианских гор. Именно там обитала его душа на протяжении целого часа в тот бесконечно далекий летний день, когда ему удалось ускользнуть от няни и теплый морской бриз баюкал его на краю утеса за деревней, где он лежал, наблюдая полет облаков. Он протестовал, когда его нашли, разбудили и отнесли домой, потому что он чуть было не отправился в плавание на золотой галере в те пленительные дали, где небо и море встречаются друг с другом.

Сейчас ему также не хотелось просыпаться. Он обрел свой сказочный город после сорока лет скучного прозябанья. И через три ночи Куранес опять вернулся в Селефаис. Как и раньше, ему сперва пригрезилась то ли мертвая, то ли спящая деревня, затем — бездна, в которую нужно было молчаливо падать, после чего вновь появился просвет, а в нем — сверкающие башни города, грациозные галеры, стоявшие на якоре в голубой гавани, и деревья на склонах горы Аран, качающие ветвями под теплым дыханием бриза. На сей раз его не отнесло в сторону, и он плавно, как на крыльях, опустился на травянистый откос холма. Итак, он опять возвратился в долину Оот-Наргая к великолепному городу Селефаису.

Вниз по склону, по пряным травам и ярким цветам шел Куранес, и далее по маленьким деревянным мосткам над журчащей Нараксой, на перилах которых он вырезал свое имя так много лет тому назад. Он шел через мирно шелестевшую рошу к огромному каменному мосту у городских ворот. Все было как встарь — не выцвел мрамор стен, не потускнели изваяния на них, и даже лица часовых на крепостном валу были все те же, такие же молодые, какими он их запомнил. Когда он миновал бронзовые ворота и вошел в город по тротуару, мощенному разноцветным камнем, купцы и погонщики верблюдов приветствовали его, как приветствуют хорошего знакомого, с которым расстались только накануне. То же повторилось и у стен

бирюзового храма Нат-Хортата, где священники в венках из орхидей сказали ему, что в Оот-Наргае время стоит, а юность живет вечно. Куранес прошел по улице вдоль колоннады, ведущей к морю, где собирались торговцы, моряки и странники из тех краев, где встречаются море и небо. Долго стоял он там, вглядываясь в кипящую красками гавань; поверхность воды блестела под ярким солнцем, а по ней плавно скользили галеры, приплывавшие сюда с разных концов света. Созерцал он и гору Аран, что царственно возвышалась над побережьем, утопая в зелени деревьев и касаясь небес своей снежной вершиной.

Сильнее чем когда-либо Куранесу захотелось поплыть на галере к тем местам, о которых он слышал столько удивительного. И он стал искать капитана по имени Атиб, который когда-то согласился взять его с собой. Капитан сидел на том же самом ящике со специями и, казалось, не понимал, что со времени их последней встречи прошло уже сорок лет. Они вместе поднялись на борт галеры, гребцы налегли на весла, и корабль закачался на беспокойных волнах Серенарианского моря. В течение нескольких дней они плыли вперед, пока наконец не достигли горизонта, где море встречается с небом. Но и там галера не остановилась, а легко и свободно поплыла в синеве, прямо по гребням перистых облаков. Далеко внизу под килем Куранес наблюдал чужие земли, реки и удивительной красоты города, празднично раскинувшиеся в солнечном свете, который не ослабевал ни на минуту. Наконец Атиб сообщил ему, что их путешествие приближается к концу. Вскоре они должны были прибыть в гавань Серанниана, города из розового мрамора, стоящего среди облаков. Он построен на эфирных берегах в том краю, где рождается западный ветер. Но как только вдали показались высокие ажурные башни города, откуда-то сверху донесся неожиданно громкий звук, и Куранес проснулся в своей постели среди убогой обстановки лондонской мансарды.

Напрасно в течение многих последующих месяцев Куранес пытался отыскать изумительный Селефаис и его галеры, плывущие в небеса. И хотя сны уносили его во многие сказочно прекрасные места, никто не мог указать ему путь в долину Оот-Наргая, по ту сторону Танарианских гор. Однажды ночью он пролетал над темными горами, где слабо мерцали одинокие костры и, звеня колокольчиками, бродили стада огромных косматых животных. И в самой дремучей части этой почти безлюдной страны он вдруг обнаружил невероятно древнюю стену, похожую на каменный вал, что шел зигзагами через долины и опушки лесов, — слишком огромный для того, чтобы быть творением рук человека. За этим валом уже перед рассветом Куранес увидел сплошное море цветущих вишневых садов. А когда встало солнце, он на какой-то миг даже забыл о Селефаисе — столь прекрасна была эта новая земля, вся в белых и розовых цветах, изумрудной листве деревьев и лужаек, с белыми дорожками и хрустальными ручьями, впадавшими в голубые озера, ажурными мостиками и пагодами под красной кровлей. Но, шагая по белой тропе к одной из пагод, он наверняка вспомнил и спросил бы обитателей этого райского уголка о Селефаисе, окажись там хоть кто-либо, кроме птиц, пчел и мотыльков. В другом сне Куранес поднимался в тумане по бесконечной спиральной лестнице. Добравшись до башенного окна, он увидел из него бескрайнюю величественную равнину и реку в свете полной луны. В расположении зданий молчаливого города, раскинувшегося на берегу реки, ему привиделось нечто знакомое. Он хотел было спуститься и спросить дорогу к Оот-Наргае, но вдруг некое зловещее сияние распространилось по всему

горизонту, и он увидел безжизненную пустоту городских улиц и стоячую воду в реке, заросшей седым камышом. Смерть была хозяином этой страны, наказанной богами за жестокость и алчность ее царя Кинаратолиса.

Каждую ночь продолжались поиски Селефаиса и его галер, идущих в небесный Серанниан, но все они были безрезультатны. Зато Куранес встречал много иных чудес. А однажды он едва спасся от гнева священника в желтой шелковой маске, одиноко живущего в древнем каменном монастыре на пустынном холодном плато Ленг. Понемногу его начало тяготить светлое время суток, и он стал искать средства, чтобы продлить сон. Гашиш оказался хорошим подспорьем. Однажды под его воздействием он попал в такую область мироздания, где вообще не существуют формы и где обитают одни только подвижные светящиеся газы. Некий живой эфир фиолетового цвета поведал ему, что это пространство лежит за пределами того, что называют бесконечностью. Газ этот не имел никакого понятия ни о планетах, ни об органической жизни. Куранес был для него лишь пришельцем из той области бесконечности, где существуют материя, энергия и гравитация. Со временем, сгорая от желания увидеть наконец свой Селефаис, он все увеличивал и увеличивал дозы наркотиков. В конце концов у него иссякли деньги, и однажды летним днем его выселили из мансарды. Куранес бесцельно бродил по улицам, пока его не занесло в район за мостом, где тесно лепились друг к другу убогие лачуги бедноты. Там-то его и встретил рыцарский кортеж из Селефаиса. Они явились во всем великолепии и блеске, верхом на чалых лошадях, в сияющих доспехах и плащах золотого шитья, и были так многочисленны, что он сперва было принял их за чью-то армию. Но, как оказалось, этот почетный эскорт был послан затем только, чтобы доставить Куранеса в Селефаис. Именно он создал Оот-Наргаю в своих снах, и отныне там его навечно избрали чем-то вроде верховного божества. Куранеса усадили на лошадь и поставили в голове кавалькады, которая торжественно проследовала через все графство Суррей в те места, где родился Куранес и где некогда жили его предки.

Как ни удивительно, но всадники, казалось, двигались вспять во времени. Когда в сумерках они скакали по сельской местности, им встречались жители и здания времен Чосера или даже его предшественников. Изредка навстречу попадались верховые рыцари с немногими сопровождавшими их вассалами. Когда наступала ночь, они ускоряли бег своих коней, пока те не начинали буквально лететь по воздуху, не касаясь копытами земли. Серым туманным утром они прибыли в ту самую деревню, которую Куранес когда-то в детстве видел наяву, а позднее — заброшенной и безлюдной — в своих снах. Сейчас она была полна жизни, и рано вставшие поселяне сгибались в поклонах, когда всадники с грохотом проносились по главной улице. Затем кортеж свернул на тропу, которая заканчивалась бездной. Раньше Куранес видел ее лишь ночью, и ему было любопытно, как она выглядит при свете дня. Он беспокойно вглядывался вперед, пока колонна приближалась к краю пропасти.

В эту минуту западный небосклон осветился ярким золотым сиянием, и перед ними в кипящем хаосе розового и лазурного великолепия открылась бездна. Когда кавалькада устремилась вниз и грациозно поплыла мимо блестящих серебристых облаков, невидимый хор запел торжественный гимн. А всадники опускались все

ниже, их боевые кони легко гарцевали по волнам эфира, похожим на золотые пески. Но вот светящийся туман рассеялся, и Куранес увидел Селефаис, и морской берег за городом, и снежный пик, возвышающийся над морем, и ярко раскрашенные галеры, уплывающие из гавани в те края, где море встречается с небом.

С этого дня Куранес стал правителем Оот-Наргаи и всей волшебной страны снов и грез. Его двор находился попеременно то в Селефаисе, то в заоблачном Серанниане. Он счастливо царствует там и теперь, и так будет продолжаться вечно. А между тем близ утесов Инсмута волны пролива, словно издеваясь, играли телом какого-то бродяги — того самого, что прошел полузаброшенной деревней на рассвете. Раз за разом волны бросали его на скалы к подножию Тревор-Тауэрз, старинного замка со стенами, увитыми плющом, где с недавних пор поселился один невероятно толстый миллионер, сколотивший себе состояние на торговле пивом и ради забавы пожелавший окунуться в атмосферу исчезающего ныне аристократизма.

Перевод: В. Останин

2010 год